

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ СВОБОДА

Каждый человек становится все более и более достойным,
когда научается управлять своим разумом.

*Кондорсе*¹

А.В. ЯСТРЕБЦЕВА

В социальной структуре существует несколько уровней символических значений. Первый соответствует экзистенциальному опыту индивидов. Второй – имманентному смыслу институционально объективированных практик, т.е. регулятивной нормативности, обеспечиваемой отдельными институтами. Третий – уровень значений исторического диалектического процесса социального производства институтов, в ходе которого они обосновывают свое право на существование и проявляют свои антропологические и социальные особенности.

Именно на третьем уровне возможно философское осмысление «цивилизационного» значения и смысла «академической свободы» как формальной детерминанты университета. Цель философского анализа университетской «академической свободы» состоит в выявлении смыслов и оснований объективной реальности университета как социального института, обладающего нормативной ценностью.

Концепт академической свободы имеет глубокие корни в истории западной цивилизации, будучи тесно связан с традицией терпимости. В трудах греческих философов, отстаивавших автономность человеческой мысли в поиске истины и определявших формальные условия ее легитимности, содержится одна из первых попыток осмысления академической свободы. Само понятие академической свободы возникло только в эпоху Средних веков в ходе цивилизованного динамического перехода от средневекового традиционного общества к новому обществу. Однако это происходило не во имя релятивистского идеала толерантности, а во имя утверждения «абсолютной» ценности, которая тогда еще религиозным сознанием придавалась истине. Истина рассматривалась не только как объект индивидуальных исканий и ориентир

личной экзистенциальной активности (Античность), а как единственное легитимное основание установления справедливого институционального порядка. Постепенно поле академической свободы становилось пространством порой для бескомпромиссных «идеологических» войн. Таким образом, формирование концепта академической свободы было связано структурно и функционально с историческим процессом перехода от космо-социального теоцентрического устройства мира к новому социально-институциональному антропоцентрическому порядку, к новой трансцендентальной ценности принципа самоопределения мысли и свободного поиска истины. Этот принцип предполагает осознание автономии и самоценности формирования духа, приобретения знаний, а также свободу их распространения с помощью образовательной системы. И тогда социальная миссия образования видится в формировании универсального свободного субъекта.

Эта автономия, понимаемая как критическая рефлексия и как ее социальная ценность, на деле должна была быть выражена в практических завоеваниях. С точки зрения практической и политической значимости знания и свободного суждения, в процессе развития современного общества понимаемая таким образом свобода была противопоставлена традиционным общественным властям. Она поставила под вопрос их легитимность и могущество. Так, академическая свобода отстаивала себя в оппозиции к социетальному господству религиозных и политических властей, выступая против их стремления вторгнуться в пространство автономии университета. Однако социальное и политическое господство этих властей еще долго оставалось преобладающим в обществах так называемого Старого режима, внутри которых долго зрела «революция».

В более глобальном социально-политическом плане смысл академической свободы кроется в том, что она есть «основополагающая ценность» разума в политическом и культурном процессе формирования нового общества. Поскольку новые политические и социальные институты рассматриваются как результат «человеческого производства», а не являются земными отображениями трансцендентного или божественного порядка, то «просвещенная» воля суверенных индивидов предстает в качестве важнейшего инструмента их самоопределения. Задача «воспитания нового человека», исходя из автономии его воли в организации личного пространства, рассматривается как главная миссия академического института, которая приобрела, тем самым, общественную ценность. Из этого следовала необходимость разрушения прежнего политического и религиозного порядка. В этом смысле академическая свобода служила сохранению института, автономия ко-

торого была формально признана на теоретическом уровне, но вместе с тем являлась для него троянским конем в условиях Старого режима.

Средневековый мир был религиозным христианизированным миром, пропитанным чувством универсальности, служившим не только легитимации власти, но росту убеждения всех верующих во всенародной целостности. Концепция цивилизации, сформировавшаяся к концу Средних веков, согласовывала признание личной человеческой свободы с идеей универсализма, наследуя вертикальный коммюнитаризм христианского мировоззрения. Этот универсалистский «католический» коммюнитаризм в дальнейшем был интегрирован в университет в процессе его секуляризации. Он воплотился в идее общности корпоративных интересов и в двух аспектах университетской миссии: производстве знания, объединенном с идеей поиска истины, имеющей трансцендентальную ценность, и общедоступности образования.

Социополитическое значение академической свободы

Почему проблематика академической свободы остается актуальной в современном обществе, в котором практически за всеми его членами признается свобода вероисповедания, свобода мысли и самовыражения (Декларация прав и человека и гражданина)? Нет сегодня необходимости защищать эти фундаментальные свободы в рамках отдельных институтов под видом той или иной привилегии. Можно предположить, что защита академической свободы является всего лишь предохранительной мерой против возвращения традиционного авторитаризма, а также авторитарной тенденции, присущей демократическому институту власти большинства (Токвиль и либералы), или против тоталитарной угрозы, источником которой является «массовое общество» (Арендт). Нет смысла переопределять «академическую свободу» лишь как право, которое нужно отстаивать. Скорее, речь может идти о некоем долженствовании прививать свободу духа и развивать науку и культуру с помощью образования, ибо общество стремится к цивилизационному идеалу, выходя за пределы борьбы сугубо частных интересов.

Если норма академической свободы значима сегодня лишь в контексте утверждения автономии образовательного и научного института, то не сводима ли она лишь к игре либерализованных частных интересов и к эмпирическому процессу производства? Что происходит с академической свободой, когда высшая «социальная власть» осуществляется не традиционными политическими и/или религиозными властями, а сосредоточена в экономике? То есть ее носителями являются некие саморегулирующиеся эко-

номические системы, порожденные гражданским обществом и государственным инструментализмом в процессе операционально-прагматической трансформации общественных институтов.

Проблема академической свободы была поставлена уже в условиях классических либеральных обществ, поскольку концепция «фундаментальных личных прав», закрепленных в официальных документах, была изначально полна противоречий. Последние отчетливо проявились в праве собственности и в его отношении ко всем остальным свободам. Именно это противоречие привело к поляризации социальных и политических конфликтов в процессе развития капитализма XIX – XX вв. При этом новая экономика затронула в том числе фундаментальные сферы свободы, связанные с интеллектуальной жизнью. «Завоевания» университетов, свершившиеся благодаря их экономическим и корпоративным интересам в соответствии с утилитарной и инструментальной экономической логикой, не противоречат академической свободе. Однако академическая свобода рискует служить не только ширмой, но идеологическим и юридическим средством внедрения университетских практик в экономическую систему в той мере, в какой эти практики окажутся профессионализированными и приватизированными. Эти изменения в университетском мире обосновываются идеологией, выводящей университет из его «башни из слоновой кости» на новый уровень, где во главе угла оказываются «коллективные потребности» и «социальный заказ». Иначе говоря, функциональные и операциональные требования общества, которое полностью поглощено экономикой.

Институты образования оказались сегодня вовлечены в международную конкуренцию, обусловленную почти исключительно операциональной логикой экономической системы. Университет и вся система образования ассимилированы в сеть продуктивного обслуживания, где каждый из институтов рассматривается по аналогии с предприятием, функционирующим в соответствии с запросами «клиентов». Однако какова в этих условиях реальная угроза для академической свободы? И каково ее актуальное значение?

Цивилизационное значение академической свободы

Концепт средневекового университета отсылал к сообществу корпоративных интересов. Концепт академической свободы был связан с различными корпоративными привилегиями, с приданием основополагающей ценности свободе поиска истины и справедливости, а также с распространением знания в процессе освобождения общества от догматической монополии религии и традиционных форм господства. В то же время концепт академической свободы отсылает к ее трансцендентальному смыслу.

Принимая во внимание символический характер человеческой жизни, склонность к идеальности онтологически укоренена в эмпирической социальной реальности. За всякого рода требованиями участия и функциональной интеграции стоит приверженность отдельных индивидов, целых групп и институтов единой идеальной цели. Эта идеальная цель не абстрактна, ибо она постоянно материализуется в литературных образах, ритуальном поведении, в моральных принципах, в шедеврах искусства и т.д. Идеальность облекается в «реальное символическое присутствие» в социальной жизни, подтверждая свой онтологический статус как нечто не-непосредственное, не-актуальное, как различие в себе самой. Эта отсылка к идеальности социальной реальности является детерминирующей и структурирующей по отношению к множеству различных проявлений социальной жизни, способствуя их осуществлению не только символически, но и практически, придавая им смысл и значение.

Через опосредование этими реальными социально объективированными идеальностями функциональный порядок взаимосвязанных социальных практик предстает как общий цивилизационный порядок. В этом порядке воплощены ценности как высшие цели коллективной жизни, как ее смысл. Таким образом, в этой имманентной идеальности заключен смысл социальных институтов, которые в свою очередь являются носителями специфических конечных целей, объединенных единым общим смыслом.

Отношение между идеальностью и эмпирикой, имманентное социальной и исторической реальности, лежит в основе принципиального различия между концептами общества и цивилизации. Концепт цивилизации основан на признании того, что идеальность присуща всему, она реализуется в отдельных символически значимых проявлениях этой цивилизации². Концепт общества, напротив, предполагает, что реальность рассматривается с функциональной, интеграционной точки зрения. Так, сторонники позитивизма в социальных науках эту склонность к идеальности трактовали как идеологию или как культуру. Но этому пониманию явно недостает онтологичности, поскольку идеальность, в сущности, редуцируется к области идей и ценностей³, или к «реальности практик и структур». Именно поэтому социология отказалась от концепта «цивилизации» в пользу «гуманитарных наук»⁴.

Отношение к идеальности позволяет классифицировать различные общества. В примитивных обществах разрыв между идеальной формой и эмпирикой проявлялся в отношении между тайным и очевидным, которое лежит в основе всякого онтологического опыта архаических обществ и включает в себя возможность и одновременно необходимость перехода от одного полюса к другому. Это

отношение отражено в первобытных мифических повествованиях, являющихся частью общей культуры, и, с точки зрения «примитивной» антропологии, создающих нечто вроде ее каркаса.

В традиционных обществах эта склонность к идеальности выражается в существовании некоей внешней божественной трансценденции, существующей независимо от социального мира и природы. Религиозный институт закрепляет разрыв между эмпирической реальностью и охватывающим ее идеальным порядком, и таким образом, идеальность всегда уже дана, а потому не является объектом рефлексивного поиска. Напряжение между реальным и идеальным проявляется в разного рода конфликтах. Их участники не столько отстаивают свои интересы, сколько не могут прийти к согласию вследствие фундаментального различия социальных порядков и лежащих в их основе идеальностей.

В современную эпоху стремление к идеальности⁵ воплощено в абстрактных универсальных принципах, связывающих человеческую личность с ее сущностью. Эти принципы находят отражение в разных социальных институтах, приобретая практический юридико-политический смысл, например, в признании автономии индивида в качестве его онтологической характеристики.

Социальная нормативность влияет на функционально-институциональное структурирование общества, проявляясь в двух типах оппозиции: во-первых, между гражданским обществом и государством; во-вторых, между сферами общественной и частной жизни. В области образования процесс социального воспроизводства оказывается направленным на идеальные конечные цивилизационные цели. В этом процессе университет претендует на решающую роль, которую невозможно недооценить. Именно признание этой роли наделяет академическую свободу ценностью, нормативное значение которой выходит за пределы властных интересов, и которая вплоть до сегодняшнего дня смогла сохранить это значение в различных национальных обществах, несмотря на глубинные трансформации их социальных структур⁶.

Гуманизм и светский универсализм

В этих условиях большое значение для дальнейшего цивилизационного развития имеет гуманизм. Речь идет о западной гуманистической традиции, а не о тех отрывочных гуманистических позициях, которые нередко отстаивают современные авторы в социальных науках, чей гуманизм носит в большей степени эпистемологический и методологический характер. Так, в развитии современных западных обществ постепенное ослабление посреднической миссии религии между «иным» высшим миром трансцендентальной идеальности и эмпирическим социальным порядком

ком было результатом не только создания, в немалой степени благодаря философской рефлексии, политического пространства институционализации. Большое значение в переосмыслении религии сыграл также рост числа сторонников теории сублимированной идеальности (Разума, Свободы, Равенства, Прогресса) — движения, восходящего еще к схоластической университетской философии и окончательно обобщенного в философии Просвещения. Это идеологическое и политическое изменение способа конституирования трансцендентальной идеальности сопровождалось культурными сдвигами в выработке цивилизационного универсального идеала гуманизма.

Если политический мир рассматривать как мир осуществления коллективной свободы, то общекультурное пространство в рамках классического цивилизованного гуманизма было наделено неким идеальным смыслом, призванным наполнить этот политический мир неким позитивным содержанием, не замыкающимся на сугубо частных интересах. Благодаря современному университету основные принципы нового светского гуманизма были введены в базовое образование, предоставляемое всем студентам без исключения и ставшее условием допуска к высшему специализированному образованию. Именно благодаря институциональной интеграции гуманистической культуры в Высшую школу, эта синтетическая культура приобрела ценность универсального идеала в той мере, в какой цивилизационная культура, бывшая особенностью образования аристократических элит, теряла политическую легитимность в силу своего эксклюзивного характера. Согласно М. Веберу, без этого гуманистического противовеса этико-религиозная культура поднимающейся буржуазии рисковала опуститься до «популярной» культуры, сугубо утилитарной, лишенной какой-либо символической ценности. Однако именно «интеллектуалам Высшей школы» под лозунгом светского универсализма, как характерной черты гуманистической культуры, надлежало способствовать распространению этой культуры в народе по мере его вовлечения в капиталистическую и рыночную экономику. Фактически университетские интеллектуалы были вырваны из их уникальной особенной культуры и облечены обязанностью служить духовными наставниками в общественной жизни. В конечном итоге это сформировало их идентичность в рамках цивилизованного общества.

В становлении современных западных обществ именно высшее образование способствовало прогрессивному развитию общественного образования (особенно с появлением в XIX столетии бесплатной и обязательной государственной общеобразовательной школы) и широкому распространению профессиональных функцио-

нальных знаний. Эти знания носили частный характер и не были интегрированы в общее образование до тех пор, пока в ходе индустриальной революции практические навыки не стали всеобщей необходимостью для эффективной интеграции в социальные отношения. Парадоксально, но это требование открытости и всеобщего участия в универсалистском образовательном проекте были отброшены в тот самый момент, когда общество располагало средствами сделать это образование общедоступным. Иначе говоря, со становлением демократии произошел отказ от самой демократической идеи в образовании.

Образование, как социальный институт, обладало, таким образом, собственной конечной целью, выходящей за пределы частных задач и функциональных требований со стороны общества. Эта цель соответствовала модели «цивилизации», согласно которой, главная его миссия виделась в «формировании нового человека» с целью «цивилизации» общества. Иначе говоря, именно общество нуждалось в этом, а образование должно было стать инструментом для достижения этой цели. Аргумент, согласно которому, эта нормативная модель образования была то и дело предаваема в прошлом, не имеет ничего общего с тезисом о ее ценности в современную эпоху. Вопрос в том, хотим ли мы защитить такую модель образования во имя нашего будущего? И каковы могут быть последствия, если нам это удастся?

Начиная с середины XIX столетия характерная для современных западных государств политическая и институциональная динамика отражала состояние перманентного «кризиса» этих обществ в ходе развития промышленного капитализма и возникновения новой социальной дифференциации. Современная проблематика политической и институциональной революции, основанной на трансцендентализации универсального разума, некогда укорененная в абстрактном «буржуазном» индивиде, была преодолена новой социальной революцией. В ходе этой революции структура мира капиталистического производства, основанного на частной собственности на средства производства, была подвергнута радикальной критике. Этот кризис современного общества предстает не только как кризис политико-институциональных механизмов регуляции и функциональной интеграции общества, но и как глобальный кризис цивилизации, затронувший фундаментальные основы буржуазного общества и его легитимации.

Хорошо известны эти проявления в области экзистенциального, метафизического, культурного, эстетического опыта, в радикальной постановке под вопрос идей гуманизма, в теории репрезентации трансцендентального этического субъекта (от Ниц-

ше к Хайдеггеру, через Гуссерля к Фуко и Деррида), в области искусства (отказ от классических канонов репрезентации в современном искусстве), в литературе (растворение романтического субъекта и драматического персонажа в произведениях Кафки, Джойса, Беккета), в историческом сознании (начиная с «Заката Европы» Шпенглера и вплоть до «конца великих метанарративов» Лиотара), в психологии (начиная с развития «павловского» и неодарвинистского бихевиоризма вплоть до «процесса без субъекта и конечной цели» Делеза и Гваттари), в области науки (кризис детерминизма, принятие прагматической концепции знания) и т.д.

Маркс, Вебер, Дюркгейм – отцы-основатели современных социальных наук – показали, что к моменту вхождения западного общества в так называемую современную стадию, его фундаментальная структура и базовые эτικο-политические и гуманистические ценности уже находились в состоянии «кризиса». Все эти проявления цивилизационного кризиса способствовали разрушению модели трансцендентального универсализма естественных и гуманитарных наук, которая ранее была гарантией академической свободы.

В последние десятилетия XX века постепенно на Западе происходил переход от общества, управляемого универсалистскими «институтами», объединенными на политико-этическом основании под эгидой Государства-нации, к разнородной социальной реальности, управление которой осуществляется разнообразными «структурами» и «организациями» на технократических и прагматических основаниях. Для них социальная реальность конституирует их «позитивное окружающее пространство», которым они непосредственно руководят. Причем, независимо от того, государственные это предприятия или частные, их управление осуществляется в соответствии с конкретными целями в условиях жесточайшей конкуренции. Их оперативная и адаптивная логика ориентирована на прагматический результат, который не имеет ничего общего с какой-либо всеобщей идеальной целью. Так, описывая мир системного функционирования организаций, Н. Луман сделал вывод, что эта система абсолютно самодостаточна. Экономика является наиболее ярким примером такого системного функционирования, акторы которой – отдельные предприятия – объединяются в наднациональные и транснациональные корпорации, не поддающиеся вертикальному управлению со стороны национальных политических властей.

Экономизация науки и образования

Мир культуры превратился в нечто принципиально новое, а именно в коммуникационно-информационный универсум, ока-

завшийся под непосредственным влиянием экономики. То же самое происходит и с наукой, которая превратилась в техно-научную систему как ветвь экономической макросистемы. Соответственно, и образование постепенно было вовлечено в эту экономическую макросистему. Однако если внешняя по отношению к академическому сообществу инициатива такой интеграции была навязана университету сравнительно недавно политикой общественных инстанций, официально ответственных за образование и его финансирование, то такие спонтанные добровольные попытки «изнутри» университета предпринимались в западных университетах в течение нескольких последних десятилетий. Что формально свидетельствовало о сохранении в них академической свободы.

Подчинение университета экономическим законам выразилось, прежде всего, в следующих формах:

- в профессионализации университетского образования;
- в переходе от модели исследования *inquire* к модели *research*, отвечающей прагматической необходимости в разрешении конкретных проблем и реализации поставленных практических задач;
- в изменении отношения между конечными целями образования и задачами исследования, ведущими к подчинению образования исследованию;
- в изменении статуса «преподавателя-ученого» на «исследователя-эксперта», управляющего программой, оператора информационными системами и *software*, «агента передачи информации», своего рода аниматора обучающихся;
- в отказе от обращения к обществу и его цивилизованным идеалам во имя адаптации к непосредственным конкретным нуждам экономики, т.е. общество оказалось ей подчинено, а не наоборот;
- в становлении университета в качестве предприятия по производству услуг, а интеллектуальной деятельности — в процесс производства в условиях «экономики, основанной на знаниях», функционирующей по законам спроса и предложения.

Стратегия подчинения научного исследования требованию его рентабельности, т.е. обратимости в капитал, превращение ученого в бизнес-партнера, знания — в интеллектуальную собственность, а идеал свободного исследования и свободы в получении университетского образования (основа и единственная истинная гарантия академической свободы) в принцип успешного функционирования предприятия ведет к постепенной передаче образовательных учреждений в частный сектор. Очевидно, нет более интеллектуала в его универсальном смысле, а есть логика биз-

неса — экономическая рациональность побеждает рациональность академическую.

Вместе с тем, университет является сегодня чуть ли не единственным социальным институтом, который не оказался еще полностью во власти саморегулирующих механизмов. Университет находится в специфическом положении относительно большинства других социальных институтов, поскольку гражданское общество превратилось в информационную и рекламную сферу, управляемую также организациями по законам рынка. Рискну утверждать, что университетское образование является последним средством защиты свободы как способности постановки собственных целей и выбора соответствующей им стратегии поведения. То есть университет остается сегодня полем борьбы общества с системой и одновременно главной целью этой борьбы. Местом, благодаря которому возможно сформировать «будущие поколения», что в нынешних условиях должно стать очередным завоеванием человечества. Новалис писал: «Там, где таится самая большая опасность, возрастает надежда». Необходимо соединить в единое целое «принцип надежды» Эрнста Блоха «с принципом ответственности» Ганса Йонаса. В этом состоит политическая и цивилизационная задача высшего университетского образования.

Исходя из неолиберальной трактовки взаимосвязи университета и общества, университет не может и не должен быть приватизирован. Университет — это социальная реальность, инстанция, играющая решающую роль в политической жизни и в будущем цивилизации. А потому университет должен развивать и упрочивать свои связи с обществом как синтетическим организмом, а не с его системным окружением. Он должен развивать свои связи со всеми группами, участвующими в борьбе на локальном, национальном и интернациональном уровнях, противостоя своим универсализмом неолиберальному космополитизму. Сопротивляться своей приватизации в условиях экономики, основанной на знаниях, он может путем достижения своего признания в качестве «службы общественного назначения» и став центральной ареной полемики по поводу будущего общества. И если сегодня академическая свобода вообще имеет смысл, то только как свобода мысли, тогда как власть должна стремиться сохранить академическую свободу в качестве своего наиболее прочного основания и наиболее ценного капитала.

Заключение

Академическая свобода представляет собой не только свободу мысли, но и свободу действия в соответствии с мыслью во имя утверждения справедливости, формирования открытого и добро-

желательного общества, предотвращения его дегуманизации. Позитивистский отказ от какой-либо метафизики, от сущности как фундаментального основания рискует привести к утрате человеческой сущности, а также политической (Аристотель), исторической и «мирской» (Арендт). Необходимо к ней вернуться не только в теории, но и на практике. А потому в современном мире особенно возрастает роль универсальных интеллектуалов, формированию которых и должны служить университеты. Их современная роль видится, прежде всего, в сохранении еще не утраченного наследия, в расширении зоны влияния традиций, т.е. в сохранении цивилизации в борьбе с системой и особенно против ее ускоряющихся темпов развития, системы, лишенной ответственности, какой-либо нормативности, и в конечном итоге — надежды. Именно эта гуманистическая, культурная и цивилизационная цель является основанием для современных интеллектуалов принимать активное участие в политических дискуссиях о природе и фундаментальных основаниях свободы, о приоритете конечных целей над средствами, о постановке и способе реализации этих целей. Именно во имя онтологического содержания человеческой жизни и существования символического единого мира должна продолжаться их борьба.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Condorcet N. Rapport et projet de décret sur l'organisation générale de l'Instruction publique // L'Instruction publique en France pendant la Révolution / éd. Klincksiek, 1990. — P. 105.*
- ² Напряжение между идеальностью и эмпирикой характерно для разного рода конфликтов (например, «конфликт интересов», обозначенный Вебером как *Zweckrationalität* или конфликт ценностей и конечных целей из-за их эстетического, нормативного и когнитивного содержания — *Wertrationalität*). Господство в современную эпоху инструментальной рациональности (негативная диалектика и апория разума у Адорно, одномерный мир у Маркузе, утрата смысла и разочарование у Гоме) и ее постмодернистское преодоление — и то и другое говорит о «болезни цивилизации» в эпоху глобализации.
- ³ Теория «отражения», к примеру, чаще всего предстает как простая сверхдетерминация более общей теории интереса. Так, П. Бурдьё в ущерб полноценному анализу пространства символов и значений сводит объект познания к онтологическому и эпистемологическому статусу эпифеноменальности, отчетливой видимости сущности. В символическом порядке именно феноменальная, субъективная «видимость» (осмысленная феноменальность) предстает в качестве сущности, которая и заключает в себе это напряжение между эмпирикой и идеальностью. По этому поводу весьма примечательна статья: *Callé A. Esquisse d'une critique de l'économie générale de la pratique // Pierre Bourdieu. Cahiers du LASA. — Caen, № 7 — 8. 1er semestre 1988.*

- ⁴ Конечно, есть и исключения. Историческая наука, например, с большой симпатией относится к цивилизационной реальности, о чем свидетельствует уже одно название крупного исторического журнала *Annales: Economie, Société, Civilisation* (Анналы: Экономика, Общество, Цивилизация), а также произведение его основателя Ф. Броделя «Грамматика цивилизаций» (*Grammaire des civilisations*. – Paris: Flammarion, Coll. Champs, 1987). Тогда как социальные науки в поиске их научной идентичности старались избавиться от «клейма» гуманитарной науки.
- ⁵ М. Гоше в своей книге «Разочарование в мире: политическая история религии» (*Gauchet M. Le désenchantement du monde: une histoire politique de la religion*. – Paris: Gallimard, 1985) утверждает, что в современную эпоху имеет место не отказ от идеальности, а радикальная смена онтологического основания, ибо на смену формальной трансцендентальности человеческого разума приходит субстанциальная внешняя трансцендентальность Бога. И благодаря этой трансформации потребность в идеальности, укорененной непосредственно в сознании, сильно возрастает.
- ⁶ См., например: *Freitag M. La Naufrage de l'université*. – Québec: Ed. Nota Bene, 1996; *Gagné G. (dir.) Main basse sur l'éducation*. – Québec: Ed. Nota Bene, 1999.

Аннотация

Объектом рассмотрения в данной статье является концепт академической свободы в его связи с развитием цивилизации. Академическая свобода рассматривается как необходимое условие социального прогресса, а «нормальное» функционирование университета как гарант устойчивого социального порядка и цивилизационной целостности.

Ключевые слова:

академическая свобода, автономия университета, автономия воли, миссия университета, социальный порядок, цивилизационное развитие, экономика, основанная на знаниях.

Summary

Under review in this article is the concept of academic freedom as it relates to the development of civilization. Academic freedom is regarded as a necessary condition for social progress, and «normal» functioning of the university as a guarantor of stable social order and civilization integrity.

Keywords:

academic Freedom, university autonomy, autonomy of the Will, mission of the university, social order, civilizational Development, knowledge economy.